

КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Автор: П. Т. МАНИКАС

МАНИКАС Питер Т. - профессор философии, директор междисциплинарных исследований университета Гавайи (Гонолулу, США).

Введение. Науки об обществе - "неестественные". Но у них есть интеллектуальная и институциональная история. Границы этих дисциплин и считающиеся общепринятыми большинством социальных ученых (social scientists) представления о науке относительно новы, - они сложились после первой мировой войны. Важно то, что при институционализации социальных наук в конце XIX века господствующими представлениями о науке были "позитивизм" и "эмпиризм". В 1930-е, годы они были основательно подкреплены Венским "логическим позитивизмом" и к 1950-м годам доминировали в философии и социальной науке¹. Считалось, что наука - не метафизика. Она не использует в объяснениях посылок, которые не могут быть проверены путем опытов. В этом смысле науки были "эмпирическими", используемые данные должны быть получены экспериментально. "Гипотезы", как вероятные объяснения, соединяли "переменные", требовавшие "теоретически нейтрального" подтверждения. Теория была просто набором гипотез с дедуктивными эмпирическими следствиями. Поскольку исключались метафизические посылки, объяснение получало форму "законов", которые, после изгнания Юмом метафизики из каузальности, стали "регулярностями" взаимосвязанных "переменных": "если - то". Соответственно объяснение подводилось под закон.

Считая, что нет существенной разницы между науками естественными и общественными, такой подход отвергал субъективность; теория общества выглядела объективно функционирующей системой, использовались объективные методы идентификации "социальных фактов". В фаворе были формальное моделирование и эконометрия, бихейворизм в политологии, методы эмпирических количественных опросов, функционализм и структурализм в антропологии, социологии, политической науке, и, парадокс, - в учебниках марксизма. Социальная наука стала наукой - и мстила за это.

¹В США после первой мировой войны немецкую историческую социальную науку заменили квантитативными бихейвористскими программами [54, 55]. Симптоматично решение президента Гувера (1929 г.) создать группу видных социологов "для изучения возможности выявления общенациональных социальных трендов". На деньги Фонда Форда четыре года труда сотен интервьюеров дали 1600 страниц цифровых данных "Доклада Огдена". П. Сорокин, не возражавший против использования статистики, заметил: "в будущем, наверное, серьезный исследователь напишет правдивую книгу об "одержимости квантификацией"... , расскажет, как вера стала модой, как социологи пытались все "измерять"; как тысячи отчетов и бюллетеней заполнялись таблицами, цифрами, коэффициентами; как тысячи людей, никогда не думавших заниматься наукой, подменили измерениями обычную мысль" [автор приводит эту цитату по: 75, p. 27].

Хотя это понимание науки не оспаривалось на социальных факультетах в США, его атаковали философы, среди которых особо заметны Квин (Quine) [63] и Хемпель [39] - 1950 г. В 1950 - 1970-е годы их идеи развили Тулмин (Toulmin), Т. Кун, Харрэ (Наггё), Хессе и Хансон [84; 46; 36; 41; 34]. К середине 70-х *не осталось ни одного из главных устоев логического эмпирицизма*². Решающим стал отказ от идеи, что теория науки может быть эпистемологически "основополагающей" и метафизически нейтральной. Ни чувственные данные, ни ссылки на теоретически мнимо нейтральные "базовые суждения" не гарантируют истину, так как невозможна "божественная идея мира". Вторым важным отличием стал отказ от "дедуктивизма" (дедуктивно-номологической - Д-Н, "законоподобной модели" объяснения). Он заменен онтологическим реализмом, оставившим место теории в объяснении. Хотя критика Д-Н модели объяснения звучала с 1950-х годов, как только каузальность по Юму уступила место представлениям о причинах как продуктивных силах, законоподобная модель также была отброшена³.

Немало социальных ученых (social scientists) все еще не критически держатся за старые взгляды. Они, как все, не любят фундаментальных вызовов привычным способам действия. Но, в то же время, вызовы доминирующим взглядам есть всегда, начиная с трудов М. Вебера до ряда альтернатив недавнего прошлого, именуемых "герменевтической" или "интерпретативной" социологией. Такие критики порой утверждают, что позитивизм, логический эмпирицизм, просто эмпирицизм вполне применимы в естественных науках, но что роковая ошибка - применять "сциентистский" подход в социальных науках [60]. Радикальные критики вообще отвергают возможность социальной или гуманитарной науки (*science*) [65]. Подчеркну: ни одна сторона не оспаривает конкретной науки. Но подрыв господствующей теории науки открывает путь глубокому пересмотру природы и методов социальных наук, включая исход старого спора сторонников "натурализма" и герменевтики в подходах к социально-научным исследованиям.

Моя статья подкрепляет эти идеи анализом теорий Э. Гидденса, П. Бурдьё, М. Фуко и реалистической критики экономики мейнстрима⁴. Они заметно различаются, но их объединяет отказ от доминирующих посылок при объяснениях в социальных науках, от концепции каузальности Юма, от оппозиций субъективное/объективное, агент/структура, микро/макро, герменевтическое/этнографическое в противоположность количественным /"жестко сциентистским" методам.

Очерк критико-реалистической метатеории. Кратко о моем понимании реалистической философии науки. Возьмем роль и природу объяснения и теории, разницу между тем, что часто называют "дедуктивностью" и альтернативой, когда объяснение требует выявления каузального механизма; к примеру, механизма молекулярной химии - окисление⁵. Моя позиция такова: в социальной науке объяснение требует социальных каузальных механизмов, - идея, выраженная в трудах М. Вебера и часто неявно предполагаемая во многих социально-научных работах.

"Дедуктивизм" предполагает версию Д-Н модели объяснения, когда теория конструируется как дедуктивная система, предполагающая, что объясняемое (*explanandum*) выводится из исходных условий и аксиом, обычно подкрепляемых считающимися

² Для ознакомления с этим процессом полезна книга [79] 1977 года.

³ Важнейшей работой по каузальности стала книга 1974 г. [37]. См., также [12; 15]. Можно утверждать, что законоподобная модель - это одно из *определяющих* свойств "эмпирицистского" (позитивистского, неопозитивистского) понимания науки. Вот некоторые из критических работ философов по этой теме: [73, 74; 36; 22; 7; 67, 68; 1; 2; 86; 51; 45; 56].

⁴ Имеются в виду доминирующие среди экономистов либерально-рыночные взгляды на оптимальные формы народного хозяйства (*прим. переводчика*).

⁵ Термины "понимание" и "объяснение" часто взаимозаменяемы. Но "понимание" несет оттенок "разъяснения". "Объяснение" лучше всего объясняет событие. Мы понимаем факт ржавления железа, когда есть механизм окисления. Можно объяснить это, показав, как определенный механизм в сочетании с другими действиями и механизмами дает результат - ржавление железа в конкретных условиях. Подробнее см. мою книгу [56, гл. 1].

верными посылками - объясняющее (*explanans*). Экономика мейнстрима обычно применяет эту модель⁶. Сейчас установлено, что дедуктивизм явно проблематичен. Буду краток. Первое: теории - это не логические системы, полностью описываемые математически: "в реальной науке дедуктивные системы довольно редки. Их фрагменты можно найти в физике, но большинство ученых (scientists) обходятся описанием структур, атрибутов власти и законов перемен, связанных общим объектом, а не выводимостью всегда из общего набора аксиом" [36, p. 10]. Отсюда необходимо совершенно иное понимание научной теории, о чем речь ниже.

Второе следует из первого: легко показать, что логические следствия дают неверную связь при объяснении. Так по модели Д-Н экспланандум логически следует из посылки: если есть Р, тогда имеем Q. Если эксплананс Р верен, есть достаточные основания считать экспланандум Q верным. Тогда и Q "объяснено"⁷. Но это не только противоречит нашей интуиции. Легко построить примеры обратных Д-Н "объяснений" на истинных, но явно смешных посылках. Они не только не объясняют, но и не дают оснований считать explanandum верным.

Альтернативный аргумент: научное объяснение - это каузальное объяснение, отвергающее каузальность в понимании Юма как простую связь ряда констант. Это ключевой вопрос. Утверждается, что причины - это продуктивные силы. "Вещи" ("сильные частицы") имеют каузальную силу благодаря теоретическим каузальным механизмам. Вот простейший пример стандартной идеи при вере в "закон": "Если поместить соль в воду, она растворится"; тогда можно предсказывать, что в конкретном случае вследствие помещения соли в воду она (вероятно) растворится. Аналогичным образом этот подход служит объяснению, почему соль растворилась. Получается, что объяснение и предсказание симметричны. Конечно, частично факт растворения объясняет то, что соль насыпали в воду; в этом привлекательность законообразной модели объяснения. Но хотя наука, может быть, начинается с идентификации паттернов и регулярностей, объяснение в науке не нацелено на установление "законоподобных" связей переменных, сколь вероятными они бы ни были. Объяснение - это скорее идентификация активного каузального механизма⁸. В моем примере с солью и водой есть нечто в том, что при попадании соли в воду она растворится - не взорвется, не превратит воду в джин! Люди знали, что соль растворяется в воде до появления молекулярной химии, но не знали, почему. Более того, идея, что цель науки это идентификация и подтверждение "законов", объясняет смещение смыслов, заслоняя решающую роль теории и моделирования в реальной науке⁹.

Дедуктивизм и социальные механизмы в экономике мейнстрима. У идеи, что суть объяснения в выявлении социального механизма, в экономике долгая история.

⁶ Эрроу отмечает: "в большинстве работ математиков и, в целом, в дедуктивных работах обществоведов исходная точка - поведение индивида. Считается, что каждый индивид действует способом, частично детерминированным его психологией и физическим окружением, частично действиями других. Если есть n индивидов, мы обозначаем действия индивидов i как A_i , а несоциальные детерминанты его поведения как P_i ; и действия первого индивида можно описать символическим уравнением $A_1 = f(P_1, A_2, \dots, A_n)$. Для каждого индивида - одно уравнение, вместе они образуют n уравнений в пределах n переменных A_1, \dots, A_n . Следовательно, решив эти уравнения, мы можем "определить поведение общества том смысле, в котором мы определяем поведение индивида в обществе" [3, p. 640].

⁷ Хемпель (Hempel) признает мягкую форму "индуктивно статистического объяснения". Но здесь теряется контакт с конкретными случаями. Сэм хочет знать, почему у него, некурящего, рак легких, а курильщик Гарри здоров!

⁸ Практическое отсутствие обсуждения каузальных механизмов в литературе по философии науки говорит о том, что предсказанная Харрэ в 1970 г. "революция" не наступила. См. дискуссию о каузальных механизмах [53; 16].

⁹ На критике дедуктивизма в экономической литературе сказала работа Лоусона, утверждавшего, что проблема дедуктивизма - отсутствие закрытия системы. С моей точки зрения Лоусон не очень заблуждается, он затемняет главное - ошибочную связь объяснения со следствиями. Так, даже в условиях (неполной) закрытости (например, нашей солнечной системы), где результаты дедуцируются из фундаментальных принципов, дедукция не дает объяснения, - это признавал Ньютон, упорно искавший некий механизм. Эта проблема в свое время породила точку зрения Маха и Пуанкаре: наука - не поиск объяснений. Для них такого рода попытки - метафизика. См.: [54, p. 184 - 190].

Примеры таких механизмов в экономическом теоретизировании есть со времен Адама Смита, который правильно указал на ключевые концепции экономики: зарплата, рента и т.д., предполагающие целенаправленное поведение агентов. Рынок был нужным каузальным механизмом. "Невидимая рука" Смита требовала, чтобы у акторов были интересы и они были достаточно просвещенными для достижения или удовлетворения их. Результат объяснялся в терминах следствий, преднамеренных или нет, действий акторов. Эта идея предшествовала "формальной" революции нашего недавнего прошлого, "революции", укрепившей - пусть не последовательно - неоспаривавшийся дедуктивизм¹⁰.

Неясность, по меньшей мере, частично, связана с широким согласием экономистов с классическим "инструменталистским" пониманием теории у М. Фридмана. Он считал, что теорию нужно оценивать по предсказательной силе того класса феноменов, которые ею "объясняются" [28, p. 512]: "...вопрос, который нужно задавать по поводу "предположений" некой теории, не вопрос, являются ли они дескриптивно "реалистичными", какими они никогда не бывают, а есть ли в них достаточно хорошие аппроксимации достигаемой цели. А на такой вопрос можно ответить, только увидев, как теория работает, что значит, дает она или нет достаточно точные предсказания" [Там же, p. 517].

Инструментальное понимание теории позволяет иметь каузальную модель, оставаясь дедуктивистом. Но для инструментального понимания теории, поскольку проверкой теории является "предсказательность" - следствие математической модели - теории механизма даже не нужно быть "достаточно хорошей аппроксимацией" к реальности. Из P может следовать Q, даже если P неверно. Однако теория объясняет, только если описание механизма верно. Проблема теории мейнстрима не только в том, что она обращается к дедуктивизму и каузальной теории рынка, а в том, что теория социального механизма в ее рамках неверна: неверна конкретика, которую она намерена описать. Теперь подробнее о социальных каузальных механизмах.

Первое, и самое важное, - социальные механизмы (в отличие от многих механизмов, идентифицируемых теорией в физических науках) требуют действий людей - один из многих смыслов "методологического индивидуализма". Теория социальных механизмов требует, чтобы люди были "силовыми частицами", способными, вмешиваться в мир с целью его изменения. Сторонники критического реализма разошлись в вопросе, являются ли социальные структуры - в дополнение к агентам, как причинам, - каузальными¹¹. Вторых, к ним и их ситуациям применимы конкретные типичные атрибуты. Эти атрибуты, конечно, являются "эмерджентными" свойствами лиц, которые они имеют лишь как социальные личности, общественно взаимодействующие. Некоторые из этих свойств проявляются в ответах на вопросы: (а) Что они хотят? (б) Что они знают - включая: что они думают, что знают? (в) Каковы их атрибуты - личные и в плане взаимодействий? У них могут быть навыки, преимущества/недостатки в плане социальных отношений? Из (в) следует (г): что они могут делать? У акторов всегда есть выбор, но они не выбирают, кто они, и альтернативы, которые перед ними¹².

Хотя неоклассическая теория социальных механизмов правильно предполагает, что действия людей, в обычных экономических категориях "потребителей", "нанимателей" и т.д. - важнейшие каузальные его компоненты, она грубо ошибается в описа-

¹⁰ См.: [11; 85, Рай IV]. У критики этой неоклассической модели долгая история. Она началась, на мой взгляд, с Дюркгейма и "спора о методе" (*Methodenstreit*), вызванного публикацией в 1893 г. работы К. Менгера "Изыскания о методе социальных наук и политической экономики, в частности". Сюда нужно включить Т. Веблена, "институционалистов" от Дж. Коммонса до Дж. К. Гэлбрайта и многих современных "экономосоциологов". Антологии статей представителей этого направления включают Этциони, Грановетера, Сведберга, Смелзера и др. [10; 25; 33; 80; 76. См. также: 23].

Исключениями выглядят сомнения ряда лидеров этой дисциплины, включая Президентский доклад В. Леонтьева на съезде американской экономической ассоциации в 1971 г. [50], а также [77; 82] и других видных "инсайдеров" [4; 42; 71; 81]. Критическая аналитика такого плана представлена на *Progressive Economics Forum* www.web.ca/~pef

¹¹ Не пытаюсь решить этот вопрос здесь, отмечу - подробнее ниже - что в нем может лежать исходная точка расхождений Гидденса и Бурдьё. См. обзор литературы [56, p. 67 - 74].

¹² См.: [40]. Ряд примеров приведены в: [56].

нии акторов и их ситуаций. Например, они не рациональны в данном смысле, у них нет знаний, предполагаемых теорий, они включены в очень разные социальные отношения и тем самым в отношения власти, имеют разные интересы и возможности, чего не признает теория мейнстрима.

Самый первый вывод критико-реалистической концепции индивида и общества таков: социальные механизмы познаваемы только *a posteriori*; эти механизмы исторически конкретны и должны выявляться эмпирически. Это резкий контраст с теорией неоклассиков, пытающихся вывести внеисторическую всеобщую теорию рынка, социальных механизмов, образующих рынок. И в конкретном обществе в разное время, в разных обществах они различны, даже если на некоем уровне абстракции есть сходства, включая, к примеру, то, что цены, очень разные в разных рынках, - решающий фактор принятия экономических решений. Российский, немецкий, японский и американский рынки капиталистические, но у них очень важные различия, особенно юридически и институционально генерируемые возможности акторов - от чиновников правительства до работников и домохозяйств. Проблема, подчеркну, не в абстрактности теории социального механизма. Все теории в науке абстрагируются от конкретной реальности. Пункт *ceteris paribus* (при прочих равных условиях) не спасает социальный механизм неоклассиков-экономистов. В отличие от механизма в молекулярной химии, у механизма неоклассиков много ложных посылок об элементах и процессах. Правильнее бы сказать, что хотя теоретики-неоклассики пытаются делать абстракции из конкретной реальности, они, по словам Флитвуда [26], создают фикцию. Поскольку акторы и условия описаны неверно, процессы не могут привести к предсказанным результатам, даже если система закрытая. Даже сказав "при прочих равных условиях", рынки не достигают оптимума равновесия по Парето.

Социализм и реалистические теории рынков. Если все же игнорировать представления экономистов мейнстрима о рациональности и "свободном рынке", отсутствие нужной информации позволяет четко увидеть, почему плановые, нерыночные экономики провалились, и почему рыночные экономики, включая олигархические, монополистические, успешны в той степени, в которой они успешны. Вот несколько соображений. Признав ключевое различие возможностей акторов в рыночной и плановой экономиках, теория мейнстрима не видит важнейшей черты рыночных экономик. Если австрийская политэкономия фон Мизеса и Хайека верна в своей критике, теория мейнстрима упускает из виду то, что следует знать. Хайек настаивал: "экономическая теория иногда, кажется, изначально закрывает себе путь к истинной оценке характера процесса конкуренции, так как исходит из посылки "данного" предложения дефицитных товаров. Но какие товары дефицитны, из чего сделаны эти товары, насколько они дефицитны и ценны, - это и должна раскрыть конкуренция" [38, р. 181; см.: 52]. В этом свете конкуренция - не утопия неоклассиков свободного рынка, а условие всякой экономической среды, где "предприниматели" пытаются использовать динамичные условия реального неравновесия¹³. Большая эффективность рыночных экономик

¹³ Как показал У. Баумоль, далеко не ошибка то, что "идеи предпринимательства, институтов, прав собственности, свобода почти не находят места в учебниках по экономике и в преподавании организации промышленности" [5]. Он приводит два сильных аргумента: 1. "действия предпринимателей не однородные элементы, позволяющие описывать себя математически"; 2. "модели равновесия по своей природе исключают предпринимателя...", на чем настаивают Шумпетер и сторонники Хайека, "предпринимателей не терпят" - именно потому, что предприниматели - здесь определяемые как те, кто стремится получить прибыль из инвестиций в производство - постоянно ищут действительно новые товары.

Хуже, их ждет катастрофа, считал очень давно Кейнс. Если "инвестиции" примут форму спекуляции, когда нет добавленной ценности, "спекулянты не нанесут вреда, как пузыри в мощном потоке предпринимательства. Но ситуация станет серьезной, если предпринимательство станет пузырями в водовороте спекуляций. Когда рост капитала в стране станет побочным продуктом казино, дела плохи" [44, р. 159. См. также: 58].

Нынешний глобальный кризис - хороший пример важности законодательства для рынков. Отмена закона Гласса-Сигала 1933 г., проведенная президентом Клинтонем и республиканцами в конгрессе, практически дерегулировала банки и позволила не-банкам, например AIG, заниматься экономической деятельностью - продажей деривативов, что прежде было невозможно. Результатом стал казино-капитализм, что и привело к полному краху финансовых рынков.

в сравнении с центрально-планируемыми объяснить легко: среди предпринимателей в рыночных экономиках информация широко распространяется. Соответственно, у них много больше этой информации. Затем предлагается стандартная защита частнособственнического рыночного капитализма: "Экономическая калькуляция [для определения размещения средств производства] может происходить только посредством цен, устанавливаемых на рынке для производственных товаров в обществе, основанном на частной собственности на средства производства" (фон Мизес в 1936 г. [59, p. 142]).

Возникает вопрос: почему необходима частная собственность на средства производства? Напрашивается ответ: без капиталистов не может быть рынков капитала. При капитализме есть множество собственников средств производства; каждый заинтересован в прибыли, а все они связаны только рынками. Продавцы и покупатели капитала, они судят о том, как его применить. Эти транзакции создают обменные курсы, денежные цены. Продавцы потребительских товаров используют информацию о ценах и о спросе для принятия производственных решений. Отмечу, что здесь не рассматривается спекуляция, например, на рынке денег или недвижимости.

Но если плановая командная экономика, из самых лучших побуждений, не может получить нужной информации для эффективных вложений (думаю, она не может), это не относится ко всем формам социализма. Если полагать, что позиция критического реализма позволяет видеть, как конкретные рынки социально конструируются, что система права, включая правила владения и контрактации, - основа конкретных рынков, - нет причин считать, что социализм не может быть и эффективным и справедливым [24; 57]. Сам Хайек чувствовал возможность этого: "нет оснований считать, что исторически данные институты права обязательно являются самыми "натуральными" в любом из смыслов. Признание принципа частной собственности ни коим образом не означает, что конкретные пределы содержания права, определяемые действующими законами, самые подходящие. Вопрос, что подходит больше всего в качестве постоянных рамок, обеспечивающих плавную и наиболее эффективную работу конкуренции, самый важный; нужно признать, что экономисты этим крайне пренебрегают" [38, p. 22].

В целом, для жесткой реалистической теории рынков нужно проникнуть в реальные мировые условия политической экономии и в предпосылки их эффективности и справедливости - задача, решение которой мощно представлено в социальных теориях Бурдьё, Гидденса и Фуко¹⁴.

II. Бурдьё и критический реализм. Бурдьё, наследовавший кафедре Фуко в "Коллеж де Франс", был увлечен резкими дебатами между марксистами-экзистенциалистами, феноменологами, структуралистами и постструктуралистами. Как и Фуко, он пытался выйти за пределы всей цепочки полярностей и дихотомий этих споров. Речь шла об антиномии "субъективности" и "объективности" знания, отделении культурного и символического от материального, отрыве теории от практики, и, что знакомо социологам в США, отрыва "микро" от "макро", дуализма агентства от структуры.

Бурдьё, как и Гидденс, ревизию социальной науки начинает, естественно, с эпистемологии и онтологии. Он соглашается с критическим реализмом (Фуко и Деррида), что идею научной "объективности" нужно деконструировать, что власть всегда играет некую роль в научных взглядах. Он также согласен, что надо историзировать "разум" и невозможно апеллировать к трансцендентальному субъекту. Но, используя вариант заимствования Фуко у Альтюссера, Бурдьё "полностью воспользовался проектом разума эпохи Просвещения" [13, p. 47, примечание]. "Вакан цитирует его: "Против этого антисциентизма, модного сегодня и приносящего доходы новым идеологам, я защищаю науку и даже теорию, когда она дает результат - лучшее понимание со-

¹⁴ Критику Бурдьё неоллиберальной экономики см.: [14]. Он писал, что теория равновесия - "чисто математический вымысел", который "выносит за скобки экономические и социальные условия рациональных ориентации, экономические и социальные структуры, т.е. условия их применения". Оценку соотношения социальных теорий Бурдьё и Гидденса и их политической деятельности см. [18].

циального мира. Не нужен выбор между обскурантизмом и сциентизмом. "Из двух зол, - говорил К. Краус, - я отказываюсь выбирать меньшее". Он надеется решить вопрос двумя ходами - концептом "эпистемной рефлексивности" и идеей Альтюссера о "научной практике" [Там же].

Вакан суммирует эпистемную рефлексивность: "включение теории интеллектуальной практики как интегральной составной части и необходимого условия критической теории общества" [Там же, р. 6]. В ней три отличия от обычной идеи рефлексивности: "во-первых, ее главная цель не аналитик-одиночка, а социальное и *интеллектуальное бессознательное*, укорененное в аналитических инструментах и операциях; во-вторых, это должно быть *коллективным делом*, а не ношей одиночки-ученого; в-третьих, она не атакует кого-то, а *укрепляет эпистемологическую безопасность социологии*" (*ibid.*)¹⁵.

Как и у Альтюссера, практики - ключевая единица анализа, а определенную форму реализма поддерживает теоретическая практика конкретной социальной науки. Задача социологии по Бурдьё - "открыть самые глубоко зарытые структуры разных социальных миров, образующих социальную совокупность, а также "механизмы", которые обеспечивают их воспроизводство или их трансформацию" [13, р. 7]. Как продукт собственно рефлексивной теоретической работы, они - объективации. Но есть и "конструктивистский" аспект, установленный, но неправильно понятый субъективистами¹⁶. "Полезно помнить - вопреки некоторым механистическим взглядам на действие, - что социальные агенты конструируют социальную реальность и индивидуально, и коллективно; не следует забывать, как это часто, делают интеракционисты и этнометодологи, что они не создавали категории, используемые в этой конструкции" [13, р. 10].

Два главных концепта предложенного решения - "габитус" и "поле". Габитус это "системы устойчивых, переносимых диспозиций, структурированные структуры, предназначенные для функционирования как структурирующие структуры, то есть как принципы, которые генерируют и организуют практики и репрезентации, которые можно объективно адаптировать к их результатам, не предполагая осознанного устремления к целям или полного распоряжения операциями, необходимыми для их получения" [См.: 17, р. 277]. Они - "воплощенная история", черты характера, установки и способности, добытые индивидами, "интернализовавшими" структуру. Они работают в "поле", которое "можно определить как сеть, конфигурацию объективных связей между позициями". Как и в случае "дискурса/практик" Фуко, можно говорить о поле науки, экономическом, художественном, религиозном или политическом полях. В духе Альтюссера, они связаны как относительно автономные "пространства объективных отношений, где расположены логика и необходимость, *конкретные и нередуцируемые* до тех, что регулируют другие поля" [Там же, р. 97]. Так в капиталистическом обществе правила и отношения художественного "поля" ограничены властными отношениями экономики.

Хотя "поля" определяют возможные действия, последние не автономные механические продукты, а результат конкретных тенденций (присущих габитусу) расположения агентов в конкретных полях. Наконец, можно говорить о "полях силы". Такая метатеория оставляет место конкретным теориям, относящимся к конкретным времени и месту - например, конкретному полю власти.

¹⁵ Это явно отличается от "интерпретативного скептицизма" трудов, написанных под влиянием Дерриды; есть отличия и от того, что Вакан называет "текстуальной рефлексивностью", - позиция, присвоившая герменевтический подход. Бурдьё пишет: "Что делать? - не устранять посредством магии дистанцию между наблюдателем и наблюдаемым примитивным фиктивным участием, а объективировать объективирующую дистанцию и социальные условия, делающие ее возможной, например, экстернальность наблюдателя, используемые им способы объективации и т.д." [13, р. 42].

¹⁶ Уместно сравнение с Бергером и Лукманом [6] - у всех слышен Гегель. Но не ясно, выходит ли эта форма "диалектики" за пределы субъективно/объективного или она скатывается в картезианскую онтологию, где "субъект" и "объект" каузальны, как у Энгельса. Опора на "диалектику" - всегда проблема, о чем ниже речь пойдет в связи с Гиденсом.

Это поле власти является *полем сил* - определяемых структурой существующего баланса сил между формами власти, или разными видами капитала. В то же время - это "*поле борьбы за власть среди держателей разных форм власти...* Борьба за навязывание доминирующего принципа господства ведет в каждый момент *...к разделению труда в доминировании.* Это также борьба за легитимный принцип легитимации..." [Там же, р. 76].

Вакан прав: ревизия Пьером Бурдьё социальных наук не очень принялась в среде американских обществоведов. Это касается не только попыток переформулировать эпистемологию и онтологию социальных наук, но и атак на саму идею дисциплинарных полей в гуманитарных науках. Как только мы согласимся с его ревизией, видно, сколь искусственны противопоставления: теория-исследование, количественные-качественные методы, статданные-этнографическое наблюдение, структуры и конструктивизм индивидов. У этих альтернатив одна функция - оправдание пустых и громких абстракций теоретизма и мнимо жестких наблюдений в позитивизме, или, в случае обособления экономистов, антропологов, историков и социологов, - легитимация сфер компетенции: "иными словами, они функционируют как некая *социальная цензура.*" [13, р. 28].

Гидденс и критический реализм. Отрыв социальной науки от истории был самым важным шагом в усилиях эмпирицистов придать социальной науке "сциентистский" характер. Частично благодаря традиции Вебера и Маркса, в Европе не было полного разрыва между историей и социальной наукой. Для Гидденса критической проблемой было правильное понимание "исторического материализма" - термин, который Маркс никогда не использовал¹⁷. Гидденс отмечал, что его идея "структуриации" развивает знаменитое замечание Маркса в работе "18-е Брюмера", что люди делают историю, но не с материалом, который сами выбрали. Структурализм и споры во Франции пересекли Ламанш в 1960-е годы. В это же время развитие философии науки добавило аргументов спорящим сторонам. Все это породило развернутую критическую реалистическую философию социальной науки Роя Бхаскара [8] и труды Энтони Гидденса [29; 30; 31]. Гидденс сосредоточился на разрешении бифуркации "агентство/структура". Как у Бурдьё, в отличие от "интерпретативистского скептицизма", характерного для эпистемологии постмодерна, для него отправной точкой стал реализм, предполагающий *познаваемую и причинно проявляющуюся, независимо существующую природу.* Но с учетом позитивистской эпистемологии и невозможности взгляда из-за пределов исторически сложившейся концептуальной схемы, "объективность" не абсолютна, а, как у Бурдьё, требует герменевтики¹⁸.

Как и у Бурдьё, у Гидденса общество - социальная конструкция, результат "умелого исполнения, поддерживаемого и реализованного людьми" [29, р. 15]. Но, как у Маркса, акторы работают с наличным материалом - исторически сложившимися структурированными практиками. У Гидденса структуры создаются набором интерпретированных правил, легитимирующих, дающих определение и поддерживающих социальные отношения. Эти отношения, в свою очередь, формируют "ресурсы" акторов. Ресурсы - это средства власти, и, как утверждают Миллис, Фуко и Бурдьё, власть - центральное понятие социальной теории. Но у Гидденса структура, воплощенная в активности, имеет лишь "виртуальное состояние". Дуализм агентство/структура заменен "дуальностью", в которой нет агентов без структурированных практик и нет структурированных практик без агентов. Центральное понятие его метатеории - *структуриация* - "попытка определить условия, которые правят сохранением и исчезновением структур или типов структур" [29, р. 120]. Поэтому у Гидденса, как и у Бурдьё, поскольку эти условия исторически различны и конкретны, социальная наука неизбежно исторична и кон-

¹⁷ Преемником Исаяи Берлина в 1968 г. на кафедре в Оксфорде был философ-марксист Коэн (G.A. Cohen), который запомнился защитой исторического материализма с использованием функционализма и технического детерминизма. См. [69; 31].

¹⁸ Есть и различие: как решить проблему релятивизма в эпистемологии. Бхаскар дает разработанную аргументацию своего трансцендентального реализма. Гидденс этот вопрос не разрабатывал, но сделал характерные замечания в [29 - Введение, р. 144 - 154].

кретна; генеральной теории социальных перемен быть не может. Наконец, поскольку у "структуры" всего лишь "виртуальное существование", Гидденс верен мысли, что помимо причин природных - *только* агенты выступают как причины [56].

Признание интерпретативной социологией традиции создает важный герменевтический момент для всей социальной науки. В отличие от Шюца, понимание акторами себя и своего социального мира поддается коррекции. То есть, понимание понимания акторов - первый (хотя и жизненно важный) шаг для социальной науки. У Гидденса "познаваемость акторов-людей всегда ограничена, с одной стороны, бессознательным, с другой, - непризнаваемыми условиями/ненамеренными последствиями действия" [32, р. 282]. То есть, как у Ч. Райта Миллса и Бурдьё, но в отличие от стандартного прочтения Гоффмана и Гарфинкеля, социальная наука потенциально ведет к освобождению.

Антипозитивистская "наука" о человеке М. Фуко. В 1960-х годах Фуко соглашался со структуралистами в отрицании марксистского гуманизма и феноменологии. Он соглашался с решающей ролью языка в конституировании социальной реальности, никогда не сбываясь на безагентный фатализм, более того, признав важность гуманизма для надежной социальной теории [61]. Решающими стали майские дни 1968 г.: они "показали, что оппозиция к существующему строю возможна вне установок современного марксизма" [62, р. 7]. То, что назвали новыми социальными движениями: движение женщин, за права сексуальных меньшинств, экологов, ядерное разоружение, реформа тюрем, права пациентов, - не укладывалось в стандарты революционно-классового анализа марксизма. Фуко, Деррида, Делез, Гваттари, Касториadis, Лефор, Лиотар и Бодрийяр пытались ответить на вызовы, казавшиеся совершенно новыми, социальных и политических условий.

Некоторые из них, например, Деррида, отчаялись не только в возможности освободительной социальной науки, но и возможности знания и истины вообще. Отвергнув гуманизм экзистенциального марксизма, Деррида отказался полностью от идеи возможной "репрезентации" реальности. Он выступил за "деконструкцию": "деконструкция отражает провал попыток репрезентации, а также возможную неудачу любых подобных усилий, или любого текста этой направленности". "Грамматология" - крайне радикальная герменевтика: отказываясь решать проблемы интерпретации текста, "Деррида делает нас неспособными его читать" [43, р. 4]. Диссиденты в антропологии, особенно чувствительные к проблемам расизма, неокOLONиализма, сексизма, назвали вызов Дерриды освободительным [19; 20; 65]. Нетрудно было показать, что стандартная этнография защищала интересы колонизаторов, элит, мужчин и т.д. Но политическая критика требует некоей правдивой репрезентации.

Порой Фуко, разделяя некоторые ключевые идеи Дерриды, был его самым резким критиком - столь сомнительна та единственная линия, которую тот предлагал. Фуко вместо деконструкции, опираясь на Башляра, Кангийема и Альтюссера, предложил "археологию": поиск оснований суммы наших знаний; а после 1968-го - "генеалогия": "вид истории, который может вскрыть учреждение знания, дискурсов, суммы - объектов и т.п., не ссылаясь на субъекта, который трансцендентален по отношению к полю событий, или действует в пустой неизменности общего хода истории" [Фуко, цит. по: 17, р. 204]¹⁹.

Поэтому Фуко правильнее считать критиком наук, которые сфокусированы на "жизни, работе, языке". Его "археология" и "генеалогия" близки социологии знания²⁰.

¹⁹ Уже отмечались сдвиги в позиции Фуко после 1968 г.: интерес к политике, акцент на генеалогии, понимаемой, в отличие от археологии, в терминах власти, отход от средств эксклюзии (тюрьмы, дома умалишенных) к анализу того, как сами люди превращают себя в субъектов, переход от языка к 'дискурсу/практике'. Этот переход не заметили некоторые его сторонники [См. также 61].

²⁰ Хакинг считает сферой интересов Фуко "системы мыслей", замечая, что они не прозрачны и изучаются "путем рассмотрения огромных площадей дискурса", который включает и неудачные попытки, и многословные пролегомены, и листовки и заметки журналистов. Нам предлагают думать об уставах институций, планах зоопарков, астролябиях или тюрьмах; читать доклады экспертов и изучать дилетантские коллекции растений [35, р. 42].

Но его целью также была критика - не считать, что существует система мысли, которая может действительно "представлять" "реальность", и, как часть этого, не предполагает какого-либо "автономного" *селф*.²¹ Можно сказать, это - мстительная социальная конструкция - так много она ставит вопросов и предполагает ответов.

Пара власть/знание - центральная и влиятельная черта усилий Фуко переосмыслить историю и становление субъектов. Для него власть - неперемнная черта всех социальных отношений и функций, где есть альтернативные возможности действий по их ограничению или управлению. Более того, власть неперменный компонент производства истины (знания). Но в отличие от либерализма или марксизма, антиреализм Фуко сделал эту мысль эпистемологически релевантной. Либерал или марксист могут согласиться, что претензии разных "дисциплин" становятся авторитетными путем использования структур власти, утверждая при этом, что некоторые из этих претензий ложные. Фуко настаивал, что этот ответ бесполезен. В то же время, он показал исторические траектории появления современной медицины, психиатрии, наказания, сексуальности и сопутствующего становления активных субъектов, активных своим участием в их конструировании. Для него это были "дисциплинарные технологии", то есть формы доминирования. Вслед за Вебером и критической теорией Фуко утверждал, что дисциплинарные технологии были предпосылкой капитализма, а мы быстро идем к "дисциплинарному обществу".

Ясно, что Фуко оппонирует этому. Но его критики часто отмечали, что ему недостает эпистемологической почвы для такой позиции. Его выступления часто неясны, противоречивы, даже сомнительны; он, кажется, предлагает некую версию анархизма - сопротивление власти во всех ее формах вообще [70, p. 546; 64, p. 22]. В США влияние Фуко заметно в женских исследованиях, в политической науке и антропологии. Но лишь недавно он стал проникать в вузовскую социологию. Редакторам издания его сочинений не ясно, "считать Фуко философом или историком" [17, p. 188].

Заключение. Недавнее прошлое показывает и жесткую критику эмпирицистской философии, и ясную, доказуемую альтернативу в некоей форме реализма. Этому сопутствовал взрыв усилий определить по-новому социальную науку в непозитивистских терминах: от прагматизма к герменевтике, структурализму, постструктурализму, к попыткам синтеза у Бурдьё, Гидденса и Фуко. Не говорю, что - за изъятием философии - позитивизм и производный от него *сциентизм* списаны. Экономика мейнстрима еще доминирует. С другой стороны, диссиденты в науке, по-видимому, склонны считать, что сама идея гуманитарной науки - ошибка. Хотя Фуко, Бурдьё и Гидденс, наверное, согласились бы, что *сциентистская* социальная наука - часть наших проблем, они, в отличие от большинства модных критиков, наверное, настаивали бы на том, что настоящая гуманитарная наука (*science*) - это часть решения этих проблем.

Перевод Н. В. Романовского

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Achinstein P.* Can There be a Model of Explanation // *Theory and Decision*. 1981. N 13. Цит. по [66].
2. *Aronson G.* A Realist Philosophy of Science. New York: St. Martins Press. 1984.
3. *Arrow K.* Mathematical Models in the Social Sciences // *Brodbeck M.* (ed.), *Readings in Philosophy of Social Sciences*. New York: Macmillan. 1968 [1951].
4. *Balough T.* The Irrelevance of Conventional Economics. New York: Liveright. 1982.
5. *Baumol W.* Textbook Entrepreneurship, Comment on Johansson // *Economic Journal Watch*. 2006, V. 3, N 1.

²¹ Лучшее всего это доказывает отторжение им концепции идеологии: "Понятие идеологии мне кажется трудно применимым. Первое: хотите вы этого или нет, она всегда практически противостоит тому, что полагается считать истиной. Полагаю, проблема не в проведении линии между идеологией в дискурсе, подпадающем под категорию научности, и ей же, когда она подпадает под иную категорию, а в том, как производятся результаты истины в дискурсах, которые сами по себе являются ни ложными, ни истинными. Второй недостаток: концепт идеологии по необходимости соотносится с чем-то близким к субъекту. В-третьих, идеология вторична по отношению к тому, что функционирует как инфраструктура, как ее материальная, экономическая детерминанта" [17, p. 204].

6. *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. New York: Anchor Books. 1967.
7. *Bhaskar R.* A Realist Philosophy of Science. 2nd Edition, 1978. Atlantic Highlands: Humanities Press. 1975.
8. *Bhaskar R.* On the Possibility of Social Scientific Knowledge and the Limits of Naturalism // *J. for the Theory of Social Behavior.* 1978, V. 8, N 1.
9. *Bhaskar R.* The Possibility of Naturalism. Atlantic Highlands: Humanities Press. 1979.
10. *Biggart N. W.* Readings in Economic Sociology. Oxford: Blackwell. 2002.
11. *Boettke P.J.* Where Did Economics Go Wrong? Modern Economics as Flight from Reality // *Critical Review.* 1997, N 12.
12. *Bohm D.* Causality and Chance in Modern Physics. London: Routledge and Kegan Paul. 1984.
13. *Bourdieu P., Wacquant L.* An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: Un-ty of Chicago Press. 1992.
14. *Bourdieu P.* The Essence of Liberalism // *Le Monde.* 1998, December.
15. *Bunge M.* Causality and Modern Science. New York: Dover. 1979.
16. *Bunge M.* How Does it Work? The Search for Explanatory Mechanisms // *Philosophy of the Social Sciences.* 2003, V. 34, N 2.
17. *Calhoun C, Gerteis J., Moody J., Pfaff St., Virk I.* (eds.). Contemporary Social Theory. Oxford: Blackwell. 2002.
18. *Callinicos A.* Social Theory Put the Test of Politics // *New Left Review.* 1999, N 236.
19. *Clifford J., Marcus G. E.* (eds.). Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley: Un-ty of California Press. 1986.
20. *Clough P. T.* The Ends of Ethnography: From Realism to Social Criticism. Newbury Park, CA.: Sage. 1992.
21. *Cohen G.A.* Karl Marx's Theory of History: A Defense. Princeton: Princeton Un-ty Press. 1978.
22. *Dretske F.* Laws of Nature // *Philosophy of Science.* 1977, V. 44.
23. *Dugger W.* Underground Economics: A Decade of Institutional Dissent. Armonk: M.E.Sharpe. 1992.
24. *Elson D.* Market Socialism or Socialism of the Market // *New Left Review.* 1988, N 172.
25. *Etzioni A., Lawrence P.R.* Socio-Economics: Toward a New Synthesis. Armonk: M.E. Sharpe. 1991.
26. *Fleetwood S.* Order Without Equilibrium: A Critical Realist Interpretation of Hayek's Notion of Spontaneous Order // *Cambridge J. of Economics.* 1996, V. 20, N 6.
27. *Foucault M.* Truth and Power // *Calhoun C, et al.* Contemporary Sociological Theory. Oxford: Basil Blackwell. 2002.
28. *Friedman M.* The Methodology of Positivist Economics. Essays in Positive Economics. Chicago: Un-ty of Chicago Press. 1953.
29. *Giddens A.* New Rules of Sociological Method. Hutchinson of London. 1976.
30. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory. London: Macmillan. 1979.
31. *Giddens A.* Contemporary Critique of Historical Materialism. Berkeley: Un-ty of California Press. 1981.
32. *Giddens A.* The Constitution of Society. Berkeley: Un-ty of California Press. 1980.
33. *Granoveter M., Swedburg R.* The Sociology of Economic Life. Boulder: Westview. 1992.
34. *Hanson N.* Patterns of Discovery. Cambridge: Cambridge Un-ty Press. 1958.
35. *Hacking I.* Michel Foucault's Immature Science // *Notts.* 1979, N 13.
36. *Harre R.* Principles of Scientific Thinking. Chicago: Un-ty of Chicago Press. 1970.
37. *Harre R., Madden E.* Causal Powers. Oxford: Basil Blackwell. 1975.
38. *Hayek F.* Competition as a Discovery Procedure // *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas.* Chicago: Un-ty of Chicago Press. 1978.
39. *Hempel C. G.* Theoreticians Dilemma//Aspects of Scientific Explanation. New York: Free Press, 1965 [1950].
40. *Hemes G.* Real Virtuality // *Hedstrom P., R. Swedberg* (eds.) Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory. Cambridge: Cambridge Un-ty Press. 1998.
41. *Hesse M.* Models and Analogies in Science. Notre Dame: Un-ty of Notre Dame Press. 1970.
42. *Hirshman A.O.* Against Parsimony // *Economics and Philosophy.* 1985. Vol. 1.
43. *Hoy D.* Jacques Derrida // *Q. Skinner (eü.).* The Return of Grand Theory. Cambridge: Cambridge Un-ty Press. 1985.
44. *Keynes J. M.* General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan. 1960 [1937].
45. *Kim Jaegwon.* Causal Realism and Explanatory Exclusion // *Midwest Studies in Philosophy.* 1987, N 12. Цит. по: [66].
46. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: Un-ty of Chicago Press. 1962.
47. *Langlois R.N.* (ed.). Economics as a Process: Essays in the New Institutional Economics. Cambridge: Cambridge Un-ty Press. 1986.
48. *Lawson T.* Economics and Reality. London: Routledge. 1997.
49. *Lawson T.* Reorienting Economics: London: Routledge. 2003.
50. *Leontief W.* Theoretical Assumptions and Nonobserved Facts//*Am. Economic Review.* 1971, V. 61.
51. *Lewis D.* Causal Explanation // *D. Lewis.* Philosophical Papers. New York: Oxford UrHy Press. 1987. Цит. по [66].
52. *Lewis P.* Hayek: From Economics as Equilibrium Analysis to Economics as Social Theory / *Barry N.P.* (ed.) The Elgar Companion to Hayek. Cheltenham: Edward Elgar, 2006.
53. *Machamer P.L., Darden L., C.F. Craver.* Thinking about Mechanisms // *Philosophy of Science.* 2000, Vol. 67.
54. *Manicas P.T.A.* History and Philosophy of the Social Sciences. Oxford: Basil Blackwell. 1987.
55. *Manicas P.T.* The Social Science Disciplines: The American Model // *Wagner P., Wittrock B., Whitely R.* (eds.) Discourses on Society: The Shaping of The Social Science Disciplines. Dordrecht: Kluwer Publishers. 1991.

56. *Manicas P.T.* A Realist Philosophy of Social Science. Cambridge: Cambridge Un-ty Press. 2006.
57. *Manicas P.T.* Endogenous Growth Theory: The Most Recent 'Revolution' in Economics? // *Post-Autistics Economic Review*. 2007, V. 5, N 41.
58. *Manicas P., S. Pooley.* Wall Street Fallacies // *Social Alternatives*. 1998, August.
59. *Mises L. von.* Socialism. New York: Macmillan. 1936.
60. *Natanson M.* (ed.). Philosophy of the Social Sciences. New York: Random House. 1963.
61. *Paras E.* Foucault 2.0: Beyond Power and Knowledge. New York: Other Press. 2006.
62. *Poster M.* Foucault, Marxism and History. Cambridge: Polity. 1984.
63. *Quine W.V.* Two Dogmas of Empiricism From A Logical Point of View. Cambridge, MA: Harvard UrHy Press. 1950.
64. *Rabinow P.* (ed.). The Foucault Reader. New York: Pantheon. 1984.
65. *Rosaldo R.* Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis. Boston: Beacon Press. 1989.
66. *Ruben D.-H.* (ed.). Explanation. Oxford: Oxford Un-ty Press. 1993.
67. *Salmon W.* "Why Ask 'Why?'" Presidential Address. *Am. Philosophical Association* 51.1978.
68. *Salmon W.* Scientific Explanation and the Causal Structure of the World. Princeton: Princeton Un-ty Press. 1984.
69. *Saver D.* The Violence of Abstraction. Oxford: Blackwell. 1987.
70. *Schurmann R.* "What Can I Do?" in an Archaeologica-Genealogical History // *Journal of Philosophy*. 1985.
71. *Sen A.* Rational Fools: A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory // *Philosophy and Public Affairs*. 1977, N6.
72. *Skinner Q.* (ed). The Return of Grand Theory in the Human Sciences. Cambridge: Cambridge Un-ty Press. 1985.
73. *Scriven M.* Truisms as Ground for Historical Explanations // *P. Gardiner* (ed.), *Theories of History*. New York: Free Press. 1959.
74. *Scriven M.* Explanations, Predictions and Laws // *H. Feigl, G. Maxwell* (eds.), *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. V. III. Minneapolis: Un-ty of Minnesota Press. 1962.
75. *Smelser N.* Behavioral and Social Sciences: Fifty Years of Discovery. Washington, D.C.: National Academy Press. 1986.
76. *Smelser N., Swedberg R.* (eds). The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton Un-ty Press. 1994.
77. *Solow R.* On Theories of Unemployment // *Am. Economic Review*. 1980. V. 70, N 1.
78. *Stinchcombe A.* Economic Sociology. New York: Academic Press. 1983.
79. *Suppe F.* The Structure of Scientific Theory. 2nd ed. Urbana, IL: Un-ty of Illinois Press. 1977.
80. *Swedburg R.* Explorations in Economic Sociology. New York: Sage. 1993.
81. *Thurow L.* Dangerous Currents. New York: Random House. 1983.
82. *Tobin J.* Inflation and Unemployment // *Am. Economic Review*. 1972, V. 62.
83. *Toulmin S.* The Philosophy of Science. New York: Harper and Row. 1953
84. *Toulmin S.* Foresight and Understanding. New York: Harper and Row. 1961,
85. *Warsh D.* Knowledge and the Wealth of Nations. New York: Norton and Company. 2006.
86. *Woodward J.* A Theory of Singular Causal Explanation // *Erkenntnis*. 1984, no 21. Цит. по [66].